

© 2004 г. В.В. ГУРЕВИЧ

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЕГО РАЗНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

Ниже будет рассмотрен семантический аспект членения на рему и тему и связанные с ним эффекты, возникающие на уровне предложения (простого и сложного) и на уровне значения слова; в последнем случае возможны, в частности, и определенные проявления на уровне словоформы.

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Тема и рема в простом предложении

Рассмотрим вопросительное предложение типа (1) *Куда уехал Петр?*, в котором рема представлена вопросительным местоимением, а тему составляют подлежащее и сказуемое. Задавая такой вопрос, мы, естественно, заранее знаем, что Петр куда-то уехал; таким образом, эта часть предложения не охватывается вопросительной модальностью – факт "отъезда Петра" не подвергается сомнению, а принимается за истину. Иными словами, эта часть сообщения представляет собой пресуппозицию [Арутюнова 1973] – некоторое заранее известное утверждение, на которое мы опираемся как на истинное и которое лишь повторяем в высказывании в качестве отправной точки для основного сообщения, представленного рематической частью.

Таким образом, рему можно истолковать как ту часть предложения, которая непосредственно входит в его модальную рамку (на нее распространяется вопросительная, утвердительная или отрицательная модальность высказывания), а тему – как ту часть предложения, которая стоит вне его основной модальной рамки, образуя пресуппозицию. Иными словами, рема составляет содержание ассертивной части высказывания, а тема – содержание пресуппозиции; сами же понятия ассертивной части и пресуппозиции, помимо словесно выраженной пропозиции, включают также и модальный компонент.

Как видим, в данном (простом по структуре) предложении содержатся два высказывания с двумя разными модальностями: тематическая (пресуппозитивная) часть содержит утверждение ("Как известно, Петр куда-то уехал"), а рематическая (ассертивная) часть содержит собственно вопросительное высказывание (*Куда?*). При этом несомненно, что главной, собственной модальностью данного предложения является именно вопросительная, а не утвердительная модальность. В поисках того, чем предопределено такое "неравноправие" двух модальностей в пределах одного высказывания, следует обратиться к понятию "время произнесения высказывания".

Не вызывает сомнения, что ассертивная часть (*Куда?*) есть именно то, что сообщается (спрашивается) в момент произнесения данного высказывания, тогда как пресуппозитивная часть содержит некоторое прошлое высказывание, лишь повторяемое в качестве необходимой для вопроса основы. В семантической записи предложение (1) можно условно представить следующим образом: "Как известно, ранее было сделано достоверное утверждение о том, что Петр переехал из данного места в какое-то иное; Сейчас спрашивается: Каково это место?" Таким образом, неравноправие двух мо-

дальностей создается за счет их разного отношения к моменту речи: основная модальность предложения, представленная его ассертивной частью, это модальность того высказывания, которое утверждается (спрашивается) в момент произнесения данного высказывания, тогда как "периферическая" (пресуппозитивная) модальность охватывает сообщение о чем-то, что утверждалось ранее. Нетрудно видеть, что повторение прошлого сообщения в теме создает смысловую связь предложения с предшествующим текстом и что с этой точки зрения тема действительно содержит "данное, известное", а рема – "новое". т.е. сообщаемое лишь в момент речи.

В утвердительном ответе на данный вопрос (2) *Петр уехал в Киев* рема также представлена лишь обстоятельством; оставшаяся же часть снова составляет тему (пресуппозицию). Как и в предложении (1), здесь также скрыто два высказывания: "Как известно из ранее сделанного утверждения, Петр переехал отсюда в какое-то другое место; сейчас утверждается, что этим местом является Киев". Поскольку в предложении (2) оба высказывания имеют утвердительную модальность, противопоставление темы и ремы здесь не столь ощутимо, как в вопросе. Не различаясь в модальном плане, два скрытых в предложении (2) высказывания различаются уже лишь временем их произнесения: сообщение об отъезде Петра есть опять-таки некоторое повторяемое утверждение, тогда как о месте прибытия говорящий сообщает именно в данный момент.

Естественно, что в подобных утвердительных высказываниях выделить тему и рему можно лишь на основе знания предшествующего текста или знания того скрытого вопроса, на который в нем дается ответ. С этим связана и возможная неоднозначность актуального членения утвердительных предложений: в предложении (2), взятом вне контекста, ремой можно считать как всю группу сказуемого (*Что сделал Петр? – Уехал в Киев*), так и одно лишь обстоятельство (*Куда уехал Петр? – В Киев*); возможен также вариант, при котором рему представляет все предложение в целом: *Где твои братья? – Петр уехал в Киев, Иван остался в Москве*.

Обратим внимание на то, что в рему могут входить тематические вкрапления (пресуппозиции), которые, однако, не поглощают всего содержания ремы. Так, в предложении (2) *Петр уехал в Киев* рема представлена обстоятельством, в которое входит собственное имя, а, значит, в его содержание включена пресуппозиция существования города с таким именем. Однако важно, что собственно новым в данном предложении является не сообщение о существовании Киева, а сообщение о том, что "то место, куда Петр уехал, **есть Киев**": утверждение о тождестве двух пространственных точек как раз и составляет собственно рематическую информацию. Таким образом, не представляется оправданным достаточно распространенное мнение о том, что рема может содержать и старую, известную информацию [ЛЭС 1990]. На самом деле важно лишь отделить тематические вкрапления в рематическую часть от собственно нового сообщения.

Достаточно общепринятым является также положение о том, что могут существовать не членимые на тему и рему, т.е. чисто рематические высказывания: к ним относятся, например, односоставные предложения типа *Холодно; Зима; Наступила зима* и т.п. Действительно, в этом случае вся лексически выраженная информация представляет собой рему, однако в таких предложениях есть также и скрытая пресуппозитивная информация (тема). Так, предложение (3) *Холодно* означает "(В данный момент, в том месте, где находится говорящий) холодно" (круглыми скобками отмечена пресуппозиция). Как отмечал еще Ш. Балли, "мы не можем сказать *идет дождь, идет снег*, не представляя себе мысленно окружения, в котором происходит процесс, как бы ни было оно неясно" [Балли 1955: 90]. Таким образом, в таких предложениях всегда есть скрыто выраженная и представленная как нечто заранее известное информация о наличии говорящего, его акта речи, времени и места осуществления речевого акта. К тому же предложения данного типа отвечают на вопрос "Какое событие имеет место?", который несомненно опирается на пресуппозицию "Некоторое событие имеет место".

По-видимому, в принципе не может существовать предложений, в которых содержалась бы лишь новая информация, не опирающаяся на что-то уже заранее известное, т.е. не повторяющая старую информацию в виде темы. Даже в предложениях типа (4) *Было ли когда-нибудь где-нибудь какое-нибудь событие?*, при неизвестности (неопределенности) всех составляющих, несомненно имеются скрытые пресуппозитивные элементы: прошедшее время глагола (*б ы л о*) указывает на предшествование моменту речи, и, значит, в предложение включена пресуппозиция о наличии акта речи, говорящего, момента речи, места, где находится говорящий и т.п.

Поскольку рема и тема предложения представляют собой два высказывания, между ними должна существовать каким-то способом выраженная семантическая связь. В приведенных выше примерах такую связь осуществляет скрыто выраженный анафорический элемент: ср. местоимение *это* в семантической записи вопроса (1) "*Известно, что Петр уехал в какое-то другое место; Каково это место?*", ответной реплики (2) "*(Известно, что Петр уехал в какое-то другое место); Это место есть Киев*" и предложения (3) "*(Известно, что имеет место некоторое событие); это событие есть Холод*" и т.д. В содержании всех этих предложений присутствует также скрыто выраженный анафорический компонент в дейктических семантемах, входящих в высказывание: "тот человек, который нечто сейчас произносит", "тот момент, когда это произносится" и т.п.

Если учесть, что тема повторяет предшествующее высказывание, то появление подобных анафорических компонентов вполне естественно; их особенность лишь в том, что анафора в этих случаях выражена не лексически, а средствами, указывающими актуальное членение (интонация, порядок слов и др.).

Итак, актуальное членение есть результат того, что основная модальная рамка предложения распространяется лишь на часть заключенной в высказывании информации (рема). Оставшаяся часть (тема) всегда имеет свою отдельную (утвердительную) модальную рамку, поскольку представляет собой повторение прошлого утверждения, зачастую словесно не выраженного, опущенного вследствие самоочевидности (ср. скрытые утверждения о существовании человека по имени Петр, города Киев, говорящего субъекта, времени и места осуществления им речевого акта и т.п.).

Помимо асертивной части и пресуппозиции в предложении могут существовать и такие части, которые вообще не обладают какой-либо отдельной модальностью (диктальная часть высказывания). Так, в предложении (5) *Надо все ему рассказать* диктальный характер имеет предикат *рассказать*, который представлен словоформой, несомненно лишенной модальности (инфинитивом). В синонимичном ему сложном предложении (6) *Надо, чтобы ему все рассказали* лишенным какой-либо собственной модальности является уже целое придаточное предложение (в работе [Гулыга 1971] такие сложные предложения рассматриваются как мономодальные): оно охватывается модальностью "необходимости", так что форма сослагательного наклонения здесь не обозначает ни нереальности, ни проблематичности действия (как в условных предложениях), а лишь называет то событие, отношение к которому выражено в главной части. Некоторые исследователи отличают от условного наклонения, выражающего "предположительность", сослагательное наклонение, используемое в придаточных предложениях после модального слова в главной части: *Не думаю, чтобы он был здесь* [Виноградов 1947: 603].

2. Отношения производности между предложениями разных типов актуального членения

Наличие в предложении какой-либо пресуппозиции означает, что оно включает в свое содержание некоторое другое (прошлое) высказывание, т.е. семантически производно от него. Рассмотрим такие отношения производности, начав с наиболее элементарных предложений (содержащих наименьшее количество пресуппозиций). К ним, как представляется, можно отнести общевопросительные (общеотрицатель-

ные, общеутвердительные) предложения типа *Да – Нет (Ты там был? – Да, был / Нет, не был)*, сообщающие о существовании некоторого события [Распопов 1970].

В предложении (7) *Есть ли в группе студенты, которые бы имели пятерки?* вопросительная модальность охватывает лишь главную часть, придаточное же лишено собственной модальности – диктально, как и придаточное после модального слова в главной части сложного предложения типа (6). Действительно, придаточная часть в (7) не утверждает наличия события *иметь пятерки* (на что указывает форма наклонения) и, следовательно, не образует пресуппозиции (которая всегда представляет собой некоторое принятое за истину утверждение). Диктальным является статус придаточного и в ответе на данный вопрос (8) *Да, в группе есть студенты, которые имеют пятерки* (с логическим ударением на глаголе *есть*), несмотря на использование здесь изъявительного наклонения.

Действительно, если бы придаточное в (8) имело статус пресуппозиции, то при изменении модальности главной части сохранялась бы истинность утверждения, содержащегося в придаточном, однако этого не происходит: отрицательное предложение (9) *В группе нет студентов, которые бы имели пятерки* не утверждает наличия пятерок, как и не отрицает этого, т.е. имеет диктальный статус. Если бы придаточное в (8) охватывалось утвердительной модальной рамкой главного предложения, то при введении отрицания в главную часть придаточное также приобретало бы отрицательную модальность, однако этого не происходит: предложение (9) не означает того, что "в группе нет студентов и у них нет пятерок". Соответственно, и в утвердительном варианте (8) нет двух отдельных утверждений, поскольку тогда бы оно означало "Утверждается, что в группе есть студенты, и утверждается, что они (= все студенты группы) имеют пятерки"; на самом же деле здесь утверждается лишь наличие среди всех студентов группы некоторых отличников.

Рассмотрим в виде пояснения некий лингвистический курьез. В известной сказке В. Катаева говорится о девочке, которая заблудилась и потеряла купленные баранки, но приобрела волшебный "цветик-семицветик". Оторвав один лепесток, она загадала желание: *Хочу, чтобы я снова была дома с баранками*, и это желание осуществляется. С лингвистической точки зрения девочка совершает неосознанный обман: ей следовало бы оторвать два лепестка, так как предложение содержит два желаемых события: "быть дома" и "иметь баранки". Если в сказке "волшебная сила" такого обмана не замечает, то языковая система всегда реагирует на два и более предиката в предложении весьма однозначно: одна модальная рамка (любого типа) может охватить только один предикат. Если в семантической структуре предложения нет хотя бы скрытого повторения модальности (типа *Хочу, чтобы было А, и хочу, чтобы было Б* или *Утверждается, что есть А, и утверждается, что есть Б*), то один из предикатов выходит из сферы действия модальности: он либо остается диктальным, либо образует пресуппозицию. В приведенных выше примерах (7–9) пресуппозитивного статуса у придаточных несомненно нет, следовательно, они остаются лишенными собственной модальности (диктальными).

Обратимся теперь к предложению с двумя равномерными логическими ударениями (с подъемом тона в конце главной части и без эмфатического ударения на сказуемом *есть*): (10) *В группе есть, кроме того, студенты, которые имеют пятерки*. Здесь главная часть содержит сообщение "В группе есть студенты с некоторым (называемым далее) отличительным признаком", придаточное же представляет собой второе (последующее) утверждение, которое раскрывает этот признак: "этим отличительным признаком является наличие у данных студентов пятерок". В предложении (10) уже есть два отдельных, связанных последовательностью высказывания и, значит, две отдельных ремы, причем при переходе ко второму утверждению рема первого высказывания ("есть какие-то студенты") становится скрытой пресуппозицией (темой) второго высказывания ("эти студенты" или "они").

Равнозначной перифразировкой такого двуремного предложения (10) является высказывание типа (11) *Некоторые студенты в группе имеют пятерки*: неопреде-

ленное местоимение указывает здесь ремю первого скрытого сообщения (*некоторые студенты* = "В группе есть какое-то количество студентов с называемым далее отличительным признаком"), которая далее преобразуется в скрыто выраженную тему второй части ("эти студенты"); ремой же второй части сообщения ("эти студенты имеют пятерки") является группа сказуемого.

Подобным образом, предложения с обстоятельствами типа *однажды, в один прекрасный день, когда-то* всегда двуремны, т.е. содержат скрытое утверждение "существовал такой день, когда произошло называемое далее событие" и, кроме того, следующее далее утверждение, которое раскрывает, что именно произошло в этот день. Из сказанного следует, что предложения, в которых неопределенная именная группа как будто бы имеет функцию темы (типа *Один бедняк нашел клад...*), на самом деле в плане актуального членения представляют собой более сложную структуру: они содержат два сообщения и, следовательно, две ремы: неопределенная группа (*один бедняк*) представляет собой ремю первого сообщения ("Существовал бедняк"), которая в скрытом виде переходит в тему второго сообщения ("Он нашел клад"). Наличие в подобных высказываниях скрыто выраженной анафоры (как и в предложениях (2–3) выше) может служить веским аргументом в пользу гипотезы И. Беллерт [Bellert 1970] о том, что логический субъект всякого высказывания обязательно содержит определенную дескрипцию.

Скрытый, нелексический способ выражения перехода ремы в тему второго высказывания позволяет таким двуремным предложениям оставаться структурно простыми. В то же время наличие двух последовательно связанных утверждений не позволяет предложениям типа (11) *Некоторые студенты в группе имеют пятерки* или (12) *Один бедняк нашел клад* в целом иметь отрицательный вариант – как не может его иметь, например, и сверхфразовое единство типа *Жил-был бедняк. Однажды он нашел клад*. Действительно, отрицание первого утверждения сделало бы бессмысленным второе. Здесь допустим лишь одноремный отрицательный вариант (13) *В группе нет студентов, которые бы имели пятерки*; (14) *Не было такого бедняка, который нашел клад*. На первый взгляд, предложения (11), (12) не соотносятся также и с каким-либо вопросом [Арутюнова, Ширяев 1983]; они, действительно, не являются ответом на вопросы *Есть ли...? Кто...? Что...?* и т.п., требующие логического акцентирования одного из слов.

Однако можно полагать, что такие предложения отвечают на вопрос *Какое событие имеет место? Что происходит?* В утвердительных ответах на такой вопрос вся эксплицитная часть высказывания (за исключением тематических вкраплений) представляет собой ремю. Это может быть одна простая рема, как в предложениях *Холодно; Темнеет*, а также и сложная рема, т.е. две (и более) ремы, одна из которых скрыто переходит в тему второго высказывания, как в предложениях типа (11, 12). Примером многоремного высказывания может служить предложение (15) *Петр разбил чашку* (как ответ на вопрос *Что случилось?*), семантическая запись которого приблизительно такова: "(Как известно, имело место некоторое событие; оно заключается в том, что) некто нечто разбил; (то, что было разбито) есть чашка; (тот, кто разбил) есть Петр". Круглыми скобками в данной записи отмечены пресуппозиции каждого из последовательных утверждений, представленные в поверхностном предложении в скрытом виде; кроме того в этом предложении есть и эксплицитные тематические вкрапления, как, например, пресуппозиция существования человека по имени Петр и т.п.

Еще один, довольно любопытный, вариант актуального членения представлен отрицательными предложениями, в которых отрицанию подвергается вся эксплицитная часть высказывания; ср. некрасовскую строку (16) *Не ветер бушует над бором, Не с гор побежали ручьи...*, которая означает нечто вроде "Нет такого, [чтобы над бором бушевал ветер, а с гор побежали ручьи]", т.е. подразумевает, что имело место не то событие, которое названо, а какое-то иное. В отличие от утвердительного высказывания типа (15) *Петр разбил чашку*, в предложении типа (16), вследствие наличия отрицания, многоремности не возникает, поскольку переход ремы в тему следующей час-

ти возможен лишь на основе какого-то утверждения. По-видимому, в (16) вся лексически выраженная часть предложения имеет диктальный характер (это обозначено квадратными скобками).

Двуремные и многоремные предложения со словами типа *некоторый, некто, нечто* и т.п., в свою очередь, служат основой для семантически более сложных высказываний, представленных, например, местоименными вопросами (*Кто? Что? Где? Когда?*) и отвечающими на такие вопросы утвердительными предложениями. Так, вопрос (17) *Кто приехал?* и ответ на него (18) *Приехал Петр* включают в свое содержание пресуппозицию "как известно, некто приехал", и, следовательно, производны от этого двуремного предложения.

3. Актуальное членение в сложном предложении

Говоря об актуальном членении в структурно сложном предложении, следует учитывать, по отношению к какой модальной рамке определяется темо-рематический статус частей. В предложении (19) *Петр уверен, что родители все поймут* главная часть содержит скрыто выраженную утвердительную модальную рамку, непосредственно охватывающую сказуемое *уверен*, которое, таким образом, представляет собой рему первой части; подлежащее *Петр* составляет ее тему. Заданная в значении сказуемого *уверен* модальность охватывает в придаточной части сказуемое *поймут*, которое по отношению к этой модальной рамке является ремой второй части; подлежащее *родители* образует тему этого придаточного предложения. Здесь, таким образом, у целого сложного предложения нет какой-либо единой общей ремы (ср. иную концепцию актуального членения подобных сложных предложений в [ГСРЯ 1980: 487–488]).

В сложных предложениях с обстоятельственными придаточными (причины, времени, цели и т.п.) также существует тема и рема внутри каждой из частей предложения, однако в них есть кроме того семантически полноценный союз, который сообщает о наличии еще одного, скрыто выраженного, утверждения относительно существования причинной (временной и т.п.) связи двух событий. Так, предложение (20) *Петр сделал в диктанте несколько ошибок, потому что был невнимателен* (при равномерных фразовых ударениях в обеих частях) содержит ряд последовательных утверждений, причем рема каждого из них поочередно преобразуется в скрыто выраженную тему следующего утверждения: "(Петр) сделал несколько ошибок; (это событие) имело некоторую причину; (эта причина заключается в том, что он) был невнимателен". В таком – неэмфатическом – сложном предложении опять-таки нет какой-то единой ремы целого высказывания.

Иная картина – в сложных предложениях с эмфатическим ударением на одном из слов, как, например, в предложении (21) *Петр сделал в диктанте ошибки не потому, что был невнимателен*. Семантическая запись этого предложения такова: "(Как известно, Петр сделал ошибки, и у этого была причина; эта причина) заключалась не в том, что (Петр) [был невнимателен]". Здесь, по-видимому, уже можно говорить о наличии общей (контрастной) ремы у всего сложного предложения (она представлена сочетанием причинного союза с отрицательной частицей). Главная часть сложного предложения (21) представляет собой тему, содержащую ряд пресуппозиций (факт наличия в диктанте ошибок известен заранее). Придаточное же, скорее всего, имеет диктальный статус (что отмечено квадратными скобками): действительно, из данного высказывания еще неясно, был ли Петр действительно невнимательным (ясно лишь, что причина ошибок – не в этом), т.е. это событие не представлено ни как утверждаемое, ни как отрицаемое.

Точно так же в предложении (22) *В том, что родители все поймут, Петр не уверен* контрастной ремой всего сложного высказывания будет сказуемое в главной части. Придаточная же часть, хотя она и напоминает тему высказывания, скорее всего, имеет диктальный статус: в предложении (22) не содержится утверждения "родители все поймут" (поскольку в главной части, напротив, говорится о неуверенности субъ-

екта в этом отношении), и, следовательно, это сообщение не может выступать как пресуппозиция, т.е. как тема. При этом, поскольку придаточное предложение охватывается некоторой модальной рамкой ("неуверенность Петра"), в нем есть также и собственная (неконтрастная) рема *поймут*, которая непосредственно попадает под действие модальности "неуверенность", и есть своя тема (*родители*), стоящая вне данной модальной рамки: скрытое сообщение о существовании у Петра родителей представляет пресуппозицию.

Стоит напомнить, что даже в тематических частях сложного высказывания возможно вычленивание некоторой "прошлой" ремы (и еще "более прошлой" темы), поскольку пресуппозиция есть какое-то предшествующее утверждение, которое охватывает лишь часть соответствующей пропозиции. Так, в предложении (23) *Раз уж Петр пришел, я с ним поговорю* придаточное имеет пресуппозитивный статус ("как известно, Петр пришел"); модальная рамка этого – как бы ранее сделанного – утверждения непосредственно охватывает сказуемое *пришел* (это рема предшествующего утверждения), представляя остальные компоненты этой части высказывания как известные из еще более раннего утверждения (как пресуппозицию самого этого пресуппозитивного высказывания). При этом собственно ремой целого сложного предложения (23) является главная часть, точнее – ее сказуемое (*поговорю*) [Гуревич 1998].

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ВНУТРИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

1. Семантическое противопоставление глагола и существительного

Исследование пресуппозиций выявило определенные различия в статусе семантических компонентов значения слова, а именно, тот факт, что некоторые из семантических компонентов входят в ассертивную часть высказывания, т.е. охватываются основной модальной рамкой и, таким образом, являются рематическими элементами, тогда как другие компоненты образуют пресуппозицию (входят в тему) [Fillmore 1969]. Таким образом, в этом случае границы актуального членения проходят внутри лексического значения слова, входящего в высказывание. Рассмотрим такое "внутреннее" актуальное членение вначале на материале существительных с "предметным" (не абстрактным) значением.

Как известно, в предложении *Петр не холостяк* под действие отрицания попадает лишь один из компонентов значения существительного – "неженатый", остальные же компоненты ("человек", "взрослый", "мужского пола") образуют пресуппозицию (не подвергаются действию отрицания). Можно полагать, что это связано с самим строением лексического значения существительного. На уровне непосредственно составляющих в слове *холостяк* можно выделить два семантических компонента: признаковый (предикатный) компонент "неженатый" и предметный компонент "мужчина". В таком случае вполне естественно, что отрицание (и иная модальность) охватывает именно предикатную часть лексического значения, не затрагивая предметную часть.

Как видим, при компонентном анализе предметное значение ("холостяк") предстает уже как двойственное, предметно-признаковое (субъектно-предикатное), т.е. часть компонентов на глубинно-семантическом уровне оказывается "непредметной". В свою очередь, семантема "мужчина", составляющая предметную часть значения в слове *холостяк*, при анализе также расчленяется на предметный компонент "человек" и предикатные "взрослый, мужского пола". И опять-таки лишь эти предикатные компоненты могут взаимодействовать с модальностью высказывания, тогда как компонент "человек" сохраняет статус пресуппозиции: *не мужчина* может означать либо (а) "(взрослый человек) не мужского пола" (ср. *не мужчина, а женщина*), либо (б) "(человек мужского пола) не взрослый" (ср. *не мужчина, а совсем еще мальчик*).

Нетрудно убедиться далее, что и семантема "человек" также представляет собой соединение предметного компонента ("физический объект") и признакового ("одушевленный, обладающий разумом" и т.д.). Само понятие "предмет" (так сказать, по-

следняя инстанция "предметности" в значении существительных) можно истолковать как "нечто имеющее формы, размер, границы и т.п.", т.е. снова как предметно-признаковую семантему, в которой вполне ощутимой частью являются признаковые компоненты, тогда как предметная часть ("нечто") становится уже весьма размытой.

Если мы далее зададимся вопросом *Что такое это "нечто"?*, этот вопрос будет означать *"Каковы признаки этого нечего?"*; иными словами, мы и в этой, последней из предметных семантем стремимся выделить какие-то признаковые компоненты. Такова, видимо, особенность нашего мышления, что мы членим всякое "предметное" понятие на "предмет" и "признак". При этом даже при такой полной неопределенности предметного компонента, как "нечто" в приведенном толковании, он все же обязательно присутствует в значении всякого предметного существительного, которое, следовательно, не является набором одних только признаковых компонентов [Russel 1920], как не является и чисто предметным понятием.

Такая двойственная – предметно-признаковая (субъектно-предикатная) – основа значения существительного традиционно фиксируется в словарных толкованиях типа "предмет, который...", "вещество, характеризующееся..." и т.п. Выявлению этой структуры не препятствует и возможная неясность содержания признаковой части в значении многих существительных, которая приводит некоторых авторов к отрицанию членимости такого рода значений на какие-либо компоненты [Шмелев 1973]. Так, говоря *Это не осина*, мы подвергаем действию отрицания некий неясный для неспециалиста набор признаков, отличающих это дерево от других, не затрагивая при этом предметную часть значения ("дерево" или, шире, "предмет"), входящую в пресуппозицию.

При анализе глагольной семантики мы снова обнаруживаем как предикатные, так и предметные компоненты. Так, значение глагола *плавать* сводится к компонентам "перемещаться в воде с помощью конечностей тела" (уже здесь обнаруживаются непредикатные компоненты "вода", "конечности", "тело"); далее *перемещаться* можно свести к компонентам "находиться в некоторой точке в некоторый момент времени" и "находиться в иной точке в следующий момент". Рассмотрим теперь в плане компонентного анализа значение "находиться (быть) где-л."

Учитывая, что такое значение имеет ощутимый смысл лишь в сочетании с каким-то адвербиальным конкретизатором (*находиться внутри чего-л. / рядом с чем-л. / вдали от чего-л.*), возьмем для анализа вариант "находиться непосредственно рядом (в физическом контакте) с чем-л.", заменив далее это выражение для простоты глаголами *границить*, *соприкасаться*. Предложение *Франция граничит с Испанией* означает "Граница (точнее – одна из границ) Франции совпадает с границей (= одной из границ) Испании". Нетрудно видеть, что на более глубинном уровне анализа значение глаголов *границить*, *соприкасаться* сводится к предметно-признаковой (субъектно-предикатной) структуре: "Граница... совпадает...".

Тот же тип строения значения можно обнаружить и у многих других глаголов. Так, *моргает* означает огрубленно "ресницы двигаются"; *кивает* = "голова двигается", *улыбается* = "губы двигаются", *вибрирует*, *дрожит* = "частицы объекта движутся туда и обратно", *моросит* = "водяные капли движутся с неба на землю" и т.д. Впрочем, у многих глаголов эта семантическая структура обнаруживается лишь на достаточно глубоком уровне анализа; в частности, различные глаголы движения приходится сначала свести к глаголу *быть (находиться) где-л.*, анализ которого далее и выявляет субъектно-предикатное строение значения.

Как видим, значение (предметного) существительного и глагола в принципе имеют одну и ту же субъектно-предикатную (предметно-признаковую) основу, аналогичную структуре предложения. Действительно, одна и та же ситуация описывается предложением *Граница... совпадает с границей...*, глаголом *соприкасаться*, словосочетанием *общая граница* и существительным *стык* (выражение *на стыке X и Y* означает "на их общей границе"). Рассмотрим теперь, за счет чего возникает несомненно ощутимое противопоставление "предметности" значения существительного и "событийности"

глагола. Формально-грамматические характеристики здесь, естественно, не могут служить критерием; ср. замечание А.И. Смирницкого (со ссылкой на Л.В. Щербу) о том, что "существительное является существительным не потому, что оно склоняется, а, наоборот, оно склоняется потому, что является существительным" [Смирницкий 1959: 102].

Для дальнейшего описания требуется напомнить сказанное выше о предложениях нерасчлененных, целиком рематических (часто – многоремных), отвечающих на вопрос *Что происходит? Какое событие имеет место?* Таковым, в частности, является предложение типа (24) *Над бором бушует ветер* (как ответ на вопрос: *Какая здесь сейчас погода?*), в котором весь лексический состав представляет собой рему. В отрицательном варианте такого предложения, проиллюстрированном выше строкой из Некрасова (16) *Не ветер бушует над бором...*, как уже говорилось, действие отрицания распространяется на весь состав высказывания, а не на какой-либо один член предложения: "Нет такого, [чтобы над бором бушевал ветер]".

Обратимся теперь к предложениям типа (25) *Моросит*, которые при семантическом анализе сводятся к субъектно-предикатной структуре "с неба на землю **падают** водяные **капли**". Поскольку в предложении (25) событие обозначено одним словом, все компоненты значения этого слова-предложения попадают под действие модальности утверждения, т.е. мы имеем дело с нерасчлененным, целиком рематическим высказыванием. Соответственно, в отрицательном варианте (26) *Не моросит*, означаемом "Нет такого, [чтобы с неба падали капли]", под действие отрицания опять-таки попадают как предикатный компонент ("падают"), так и субъектный ("капли"), составляющие значение глагола *моросить*.

Подобно этому, выражения *не соприкасаются, не граничат* (в отношении неких *X* и *У*) означают "Нет такого, [чтобы граница (*X*) совпадала с границей (*У*)]". Таким образом, из анализа глаголов типа *соприкасаться, граничить, находиться где-л.*, очевидно, можно сделать более общий вывод о том, что, присоединяя отрицание к любому глаголу, мы отрицаем называемое глаголом событие целиком, так что глубинная субъектно-предикатная структура значения выступает в этом случае как нерасчлененная, целиком рематическая.

Напомним, что наличие пресуппозитивных вкраплений не меняет этого типа актуального членения, как и в поверхностных предложениях. Так, если истолковать *улыбнулся* как "губы раздвинулись", то *не улыбнулся* будет означать "не было такого, [чтобы (губы) раздвинулись]"; несмотря на пресуппозитивный (тематический) статус компонента "губы" (в ситуации заранее известно, что тот, кто улыбнулся, имеет губы), в предложении *Он не улыбнулся*, где глагол-сказуемое представляет рему, под отрицание попадают как предикатный компонент "раздвинуться", так и субъектный компонент "губы".

Если теперь вернуться к сопоставлению значений существительного (например, *стык*) и совпадающего с ним по компонентному составу глагола (*соприкасаться, граничить*), то можно сделать вывод о том, что в существительном одна часть значения (предметный компонент) всегда образует пресуппозицию (тему), другая (предикатная) входит в ассерцию (рему), тогда как в глаголе в рему попадают оба эти компонента, подобно тому, как это происходит в поверхностных нерасчлененных на тему и рему предложениях типа *Моросит*. Представляя одну и ту же ситуацию, глагол и существительное придают ей разные ракурсы, производят разные логические акцентировки. Вследствие пресуппозитивного статуса предметного компонента существительное воспринимается как обозначающее "предмет, который имеет некоторые признаки" (*стык* = "общая граница"). Глагол же (*граничить, соприкасаться*) обозначает целое событие (в данном случае – ситуацию, в которой "границы совпадают"), поскольку и предметный, и предикатный компоненты его значения представлены в равных статусах (оба входят в рему). В этом плане указанный глагол по своему семантическому устройству в большей степени, чем существительное, сходен с предложением – субъектно-предикатной структурой, также называющей целое событие.

Некоторую аналогию с этим различием значений можно обнаружить в паре слов типа *водопад* и *снегопад*, имеющих формально одинаковую словообразовательную структуру. Первое означает "воду, которая падает", т.е. воспринимается как обозначение некоторого материального объекта (вещества) с некоторыми дополнительно указанными признаками. Второе воспринимается уже как обозначение события "снег падает" ("процесс выпадения снега"), т.е. как семантическая структура, в которой и субъектный, и предикатный компоненты представлены как одинаково "центральные", одновременно входящие в ассертивную часть. Именно поэтому возможно сочетание *подойти к водопад* (но не *подойти к снегопаду*) и, напротив, *во время снегопада* (но не *во время водоппада*).

Итак, семантика глагола и имени, при общности глубинно-семантической структуры (предметно-признаковой, субъектно-предикатной), противопоставляется по типу "внутреннего" актуального членения, т.е. по модальному статусу компонентов значения. Существительное имеет темо-рематическое строение значения, причем в теме всегда оказывается предметный (на данном уровне НС-анализа) компонент. Глагол же устроен как нерасчлененное на тему и рему, целиком рематическое высказывание, в котором и предметный, и предикатный компоненты одновременно входят в рему.

Речь, разумеется, идет лишь о **потенциальном** актуальном членении, поскольку мы описываем значение номинативных единиц, а не предложений; устройство значения слова как бы заранее указывает, какие части значения войдут в модальную рамку или в пресуппозицию при использовании слова в любом конкретном высказывании. Такое своеобразное объединение конкретно-речевых и системно-языковых явлений в понятие "потенциальное актуальное членение" не будет нас смущать как нечто логически противоречивое, если учесть, что столь же потенциально и указательное значение дейктических слов типа "я", "ты", "сейчас", "здесь", "этот": оно бесспорно ориентировано на какой-то конкретный (любой возможный) речевой акт и при этом принадлежит не собственно речи, а системе языка, будучи "заранее" закреплено в семантике данных слов. В связи с этим вряд ли следует рассматривать актуальное членение как некое "наращение" на системно-языковые единицы, возникающее лишь при функционировании языка, т.е. как нечто принадлежащее речи, а не системе языка. Вполне обоснованно введенное Соссюром противопоставление "язык – речь", по-видимому, все еще требует более глубокого теоретического осмысления.

Стоит также отметить, что, как можно видеть из вышеизложенного, противопоставление понятий "предмет" и "признак (действие)", представляющееся нам естественным отражением фундаментальных различий в самой действительности, на самом деле скорее обусловлено особенностями устройства нашего языка и мышления. Семантический анализ показывает справедливость наблюдения Э. Бенвениста о том, что "противопоставление "процесса" и "объекта" не может иметь в лингвистике ни универсальной силы, ни единого критерия, ни даже ясного смысла... Такие понятия не воспроизводят объективных свойств действительности... Это не свойства, внутренне присущие природе" [Бенвенист 1974: 168].

2. Различение средствами актуального членения употреблений слова, "оттенков" значения и значений слова

Рассмотрим возможные акцентировки компонентов значения "передвигаться в воде", выражаемого глаголом *плавать*. Предложение (27) *Птицы не плавают, а летают* означает "Птицы (передвигаются) не в воде, а в воздухе"; здесь компонент "передвижения" в значении глагола образует пресуппозицию (входит в тему высказывания, что обозначено круглыми скобками), в рему же попадает компонент "среда, в которой происходит передвижение". В предложении (28) *Что же ты не плаваешь?*, которое означает "Почему (ты) не передвигаешься, (находясь в воде)", в рему попадает сам компонент "передвижения", а компонент "среда" образует пресуппозицию. При этом

сам состав компонентов глагольного значения в этих разных употреблениях слова одинаков.

Если в приведенных примерах иллюстрировались лишь какие-то различия в употреблении глагола *плавать*, то в некоторых других случаях различия в рематизации компонентов могут создавать уже разные "оттенки значения" слова [Апресян 1974]. Рассмотрим в этом плане глагол *стоять* означающий "находиться где-либо, имея вертикальное положение". Предложение *Суп такой густой, что ложка в нем стоит* означает "(находясь в супе) ложка не падает"; здесь в рему попадает компонент "иметь вертикальное положение", тогда как компонент "находиться где-л." составляет пресуппозицию. В предложении *Цветы стоят в вазе* в рему попадает компонент "находиться где-л.", тогда как компонент "иметь вертикальное положение" входит в тему (сохраняется, но не акцентируется). Эти различия уже, очевидно, можно интерпретировать не просто как разные употребления, а скорее как разные подзначения (оттенки значения) слова.

На том же принципе акцентирования разных компонентов (при сохранении компонентного состава значения) основаны и **метонимические переносы**. Так, в прямом значении существительное *стакан* обозначает "(сосуд, вмещающий некоторое количество жидкости), стеклянный, без ручки, цилиндрической формы"; рематический статус трех последних компонентов достаточно ясно обнаруживается в противопоставлении *не стакан, а чашка*. В переносном значении *выпить стакан воды* рематическим становится уже компонент "количество вмещаемой жидкости", тогда как остальные компоненты ("сосуд без ручки, стеклянный, цилиндрический") уходят в пресуппозицию (хотя и сохраняются в содержании слова): ср. *не стакан, а полстакана*, где отрицание затрагивает именно количественный компонент.

Та же смена логических акцентов внутри значения слова при сохранении компонентного состава характеризует и иные типы метонимических сдвигов: ср. *Москва* как название столицы государства и как название государства с такой столицей (*Москва заявляет...*); *золото* как материал, из которого делаются украшения, и как изделие из этого материала (*весь в золоте*); *Бородино* как название села, связанного с известной битвой, и как название самой битвы (*день Бородина*); *дорога* как место передвижения и как сам процесс передвижения (*в дороге*); *поворот* как "изменение направления движения в некотором пункте" и как "тот пункт, где меняется направление движения"; *свисток* как действие с использованием некоторого орудия и как орудие такого действия; *обращение (к кому-то)* как действие и как те слова, с которыми кто-то обращается к кому-то и т.п.

Как известно, существуют также **синонимические пары**, различающиеся лишь по ремо-тематической организации компонентов значения [Fillmore 1969], как, например, в паре *обвинять* и *критиковать*: *Я вовсе не обвинял вас в таких действиях* означает "Я не говорил, что вы совершили такие действия (которые, как известно, оцениваются отрицательно)"; *Я вовсе не критиковал вас за ваши действия* означает "Я не говорил, что (те действия, которые вы, как известно, совершили) **оцениваются отрицательно**" (наиболее существенный рематический компонент выделен жирным шрифтом).

3. Переносные употребления временных форм глагола

Рассмотрим случаи употребления настоящего времени глаголов речи в значении прошедшего – например, *Аристотель говорит, что...* (= *Аристотель сказал...*). Глагол *говорить-сказать* означает "произнести нечто, имеющее некоторое содержание для того, чтобы сделать это содержание известным другому лицу". В предложении *Я этого не говорил* в рему попадает компонент "не произносил"; в предложении *Почему ты мне об этом не сказал?* рематизируется компонент "не сделал известным" и т.д. Предложение *Что говорит об этом Аристотель?* означает "**Каково содержание** (того, что некогда произнес на этот счет) Аристотель?" Здесь, как видим, в рему попадает компонент "иметь содержание", который не связан с каким-либо конкретным

временем (содержание сказанного сохраняется и сейчас), в связи с чем и становится возможным употребление формы настоящего времени.

При этом действие, названное в пресуппозитивной части ("некогда произнес"), несомненно относится к прошлому: таким образом, в содержании данного предложения одновременно представлено два времени – настоящее и прошедшее, охватывающие два разных предиката, что и создает представление об употреблении формы настоящего в значении прошедшего. Отметим, что использование в аналогичном английском предложении (*What does Aristotle say about it?*) простой формы настоящего времени вместо длительной формы обусловлено именно тем, что в рему попадает компонент ("иметь содержание"), не обозначающий какого-либо длящегося процесса.

4. Перформативное употребление глаголов

К перформативным относят обычно глаголы волеизъявления *просить, требовать, возражать, клясться, обещать*, которые в 1 л. ед. ч. наст. времени не просто описывают действие, но и осуществляют тот акт, который обозначен глаголом [Austin 1962]. Действительно, произнес *Клянусь! Обещаю! Я протестую! Прошу вас...*, мы тем самым уже осуществили акт клятвы, обещания, протеста, просьбы и т.п. Рассмотрим, за счет чего возникает в этих предложениях эффект перформативного употребления.

Глаголы типа *просить, возражать* и т.п. означают "говорить о своем желании (нежелании) совершения какого-то события", т.е. содержат два предикатных компонента ("говорения" и "желания"), которые могут по-разному акцентироваться в разных употреблениях. Предложение *Я не просил вас этого делать* означает "Я не говорил о том, что хочу, чтобы вы это сделали"; здесь в реме оказывается речевой компонент, и перформативного эффекта не возникает. Предложение *Я прошу вас это сделать* означает "(Я говорю сейчас о том, что) хочу, чтобы вы это сделали". Здесь уже есть "перформативный" эффект (акт просьбы состоялся), который возникает вследствие того, что в этом случае в рему попадает компонент "желания" (в связи с этим в соответствующем английском предложении глагол используется в простой, а не длительной форме настоящего времени). Компонент "говорения" при таком употреблении уходит в пресуппозицию; в частности, он не затрагивается модальностью при введении отрицания: в варианте *Я не прошу вас этого делать* сохраняется истинность того факта, что "Я сейчас нечто произношу". Пресуппозитивный статус речевого компонента в подобных предложениях вполне естественно обусловлен употреблением в 1 л. настоящего времени: нет смысла вводить в утверждение сообщение "я сейчас нечто произношу" в ситуации, когда об этом информирует уже само звучание речи.

Важно отметить, что перформативный эффект возникает лишь у глаголов, имеющих в своем значении оба компонента – "говорения" и "желания / нежелания". Действительно, в предложении (29) *Я хочу, чтобы вы это сделали*, в отличие от (30) *Я прошу вас это сделать*, перформативного эффекта нет, поскольку в глаголе *хотеть* нет речевого компонента; за вычетом указанного отличия, предложения (29) и (30) фактически синонимичны. Нет перформативного эффекта и в русском предложении *Я согласен (не согласен)...*, поскольку прилагательное не включает речевого компонента, – в отличие от английского *I agree (disagree)*, где есть перформативность, поскольку значение глагола уже содержит как компонент "желания", так и компонент "говорения".

5. Актуализация компонентов и глагольный вид

Как известно [Wierzbicka 1968], форму совершенного вида (СВ) в русском языке имеют лишь те глаголы, в значении которых содержится компонент "предельности действия", т.е. начала (или конца) какого-то состояния: так, *прийти* означает "начать находиться где-л.", *уйти* = "перестать находиться", *приобрести* = "начать иметь", *потерять* = "перестать иметь", *создать* = "сделать так, чтобы нечто начало существовать", *уничтожить* = "сделать так, чтобы нечто перестало существовать" и т.д. Под-

черкнем, что "начинательность" является компонентом лексического значения слова, т.е. она присутствует в содержании предельного глагола и в форме несовершенного вида (НВ) и лишь как-то здесь затушевана. Естественно, что у глаголов неопределенных (не содержащих компонент "начало / конец состояния") типа *спать, сидеть, стоять, ждать, работать, жить, любить* не может быть и чисто грамматической (парной) формы совершенного вида.

Рассмотрим семантику противопоставленных видовых значений на примере чистовидовой пары *строить-построить*. Предложение *Строишь ли ты дом?* означает: "Производишь ли ты действия (с целью, чтобы в результате этих действий возник дом)?" Здесь в основную модальную рамку предложения (в рему) попадает компонент "производить действия": именно он охватывается вопросительной модальностью и соотносится с настоящим временем. Второй же компонент ("возникновение дома"), оказывается вне ремы: он не охватывается вопросительной модальностью, поскольку содержит собственную целевую модальность ("с целью, чтобы возник"), и не относится к настоящему времени (возникновение дома ожидается в будущем). Вследствие такого акцентирования процессного компонента в содержании глагола форма НВ представляет действие как незаконченный, длящийся процесс.

Иная ситуация в предложении с глаголом СВ *Построил ли ты дом?*, которое означает: "Возник ли дом (в результате произведенных тобой действий)?" Здесь рематическим оказывается предельный компонент "возникновение (= начало существования) объекта": именно он охватывается модальной рамкой высказывания (вопросительной) и его временной рамкой (прошедшее время). Вследствие такой акцентировки компонента "начало" в значении глагола действие представлено как завершенное, достигшее предела (цели, результата и т.д.). При этом каузативный компонент "производить действия с некоторой целью" несомненно сохраняется в значении глагола в форме СВ, однако он стоит вне основной модальной рамки. Можно полагать, что каузативный компонент в содержании СВ не образует пресуппозицию, а имеет диктальный статус: действительно, предложение типа *Ты еще не построил ни одного дома* не подразумевает, что какие-либо строительные действия в прошлом уже производились.

Таким образом, в лексическом значении глагола в обеих видовых формах (*строить и построить*) обнаруживаются одни и те же семантические компоненты: каузативный компонент ("осуществление некоторых действий") и "результативный" компонент ("начало существования объекта в результате этих действий"), и, следовательно, лексическое значение этих глаголов одинаково. Различия касаются лишь актуального членения внутри глагольного значения: совершенный вид указывает, что в рематическую (ассертивную) часть значения попадает предельный компонент (начало или конец некоторого состояния), что и создает представление о законченности действия; несовершенный вид указывает, что предельный компонент не актуализуется, т.е. что в рему попадает какой-то иной компонент (в данном случае – обозначение длительного процесса).

Предложение с глаголом НВ в общефактическом значении *Строил ли ты когда-нибудь дом?* означает "Было ли когда-либо такое, [чтобы ты строил дом]?" или, что то же, "Был ли в прошлом такой момент, [когда бы (ты) совершал действия с целью, чтобы возник дом]?". В этом случае в рему входит сообщение о наличии в прошлом какого-либо момента, с которым соотносится данное действие. При этом собственно глагольное значение целиком оказывается вне ремы (и имеет диктальный статус), в результате чего предельный компонент опять-таки не актуализуется; однако здесь нет и актуализации каузативного компонента ("совершать действия..."), как при конкретно-процессном (актуально-длительном) значении НВ.

Отметим, что различия в актуализации компонентов сохраняются в видовой паре и тогда, когда глагол целиком входит в тему (пресуппозицию) высказывания. Пресуппозиция есть некоторое предшествующее утверждение, повторяемое в данном предложении, и модальная рамка этого (прошлого) утверждения также охватывает ту или иную часть глагольного значения. Так, предложение *Кто строил этот дом*

включает пресуппозитивное утверждение "Некто строил дом", в котором актуализован каузативный компонент; предложение *Кто построил этот дом?* включает пресуппозицию "Некто построил этот дом", в которой утвердительная модальность охватывает компонент "начало существования объекта".

Таким образом, в общем плане для выбора видовой формы несущественно, входит ли сам глагол в данном предложении в рему или в тему целого высказывания. Однако выражаемое формой вида "внутреннее" актуальное членение (в пределах значения глагола) так или иначе взаимодействует с "внешним" (с членением на тему и рему целого высказывания), что может приводить к некоторым добавочным семантическим эффектам. Рассмотрим эти эффекты отдельно для двух указанных выше типов актуального членения высказывания: 1) предложения, в которых рема представлена самим сказуемым (тип *Было ли...? – Да / Нет*) и 2) предложения, в которых рему образуют другие члены предложения (тип *Где? Что? Когда? Какое событие?* и т.п.).

Предложение первого типа при использовании глагола НВ просто сообщает о наличии / отсутствии действия в прошлом, точнее – о наличии в прошлом момента, с которым было бы связано данное действие: ср. (31) *Вы читали эту статью?* При использовании глагола СВ такое предложение всегда подразумевает **ожидаемость** данного действия [Рассудова 1968]: действительно, вопрос (32) *Вы прочитали эту статью?* звучит естественно лишь в том случае, если адресат вопроса должен был или собирался прочитать статью: то же относится и к утвердительному или отрицательному предложению (*Да, прочитал; Нет, не прочитал*). Таким образом, предложения данного типа с глаголом СВ содержат пресуппозицию "предполагалось, что в некоторый момент будущего событие будет иметь место" и сообщают о том, наступило ли (началось ли) это событие в указанный (определенный) момент.

Разумеется, предложения с НВ также могут использоваться в ситуации, где данное действие заранее ожидается, например: (33) *Помните, я дал вам почитать свою статью? Вы читали ее?* Однако в этом случае ожидаемость действия выражена в предшествующем контексте (в фоновой части высказывания), а не в самом глаголе-сказуемом, как в предложении (32) с формой СВ. Использование глагола НВ в предложении (33) может быть вызвано именно стремлением не допустить выражения смысла "я ожидал, что вы читаете", т.е. смягчить ту требовательность, которая была бы выражена в предложении при употреблении формы СВ. Важно отметить также и невозможность обратного явления, т.е. использования глагола СВ в сказуемом-реме, когда ситуация исключает какую-либо "ожидаемость" события; ср. контексты типа *Вы меня вызывали? – Да, вызывал, садитесь или Интересно, что нового у Петра: он звонил тебе на этой неделе? – Нет, не звонил*. Вследствие таких существенных содержательных различий, связанных с употреблением видовых форм (наличие / отсутствие пресуппозиции ожидаемости), в отношении предложений данного типа вряд ли можно говорить о возможности взаимозамены видов.

Одним из следствий эффекта "ожидаемости" при употреблении формы СВ в сказуемом-реме является невозможность использования здесь глаголов непреднамеренного (и потому неожиданного) действия. Действительно, вопросительные предложения типа *Ты потерял мою книгу? Ты ушибся?*, несмотря на акцентированность сказуемого, представляют иной тип актуального членения: это не вопрос типа "Состоялось ли событие?", а вопрос типа "Какое событие имело место?", т.е. "Потерял ли ты книгу или порвал, или отпал кому-либо?". Вопрос же с частицей *ли* (который соответствует именно первому типу актуального членения) звучал бы в данной ситуации странно: предложение *Потерял ли ты мою книгу?* означало бы нечто вроде "(Я ожидал, что потеряешь); совершилось ли это?".

Рассмотрим теперь, с чем может быть связано возникновение добавочного пресуппозитивного значения ожидаемости при использовании СВ в таких предложениях. Предложение (34) *Проснулся ли ребенок?* можно представить в следующей семантической записи: "Началось ли (в указанный момент у ребенка состояние бодрствования)?" Здесь вопросительная модальность охватывает лишь семантему "начало", тог-

да как отмеченная скобками пресуппозитивная часть содержит повторение чего-то, о чем уже как бы говорилось ранее. Что же могло говориться ранее о "состоянии бодрствования", если еще неизвестно, имеет ли оно место в данный момент? Очевидно, не то, что оно существует или существовало, а только то, что наступление такого состояния ожидается (ожидалось) в некоторый момент будущего; семантическая запись предложения (34) такова: "Ранее ожидалось, что в некоторый момент у ребенка наступит состояние бодрствования; Наступило ли это состояние в указанный момент?".

Предложение с формой НВ (35) *Просыпался ли мальчик ночью?* означает "Был ли (в течение ночи) такой момент, [когда бы (у ребенка) началось состояние бодрствования?]". В этом случае нет пресуппозиции существования какого-либо выделенного (= определенного) момента – об этом еще лишь спрашивается в самом предложении. Нет здесь и пресуппозиции ожидаемости события в некоторый момент будущего, как в предложении (34) с глаголом СВ. По-видимому, пресуппозиция ожидаемости может возникнуть лишь при определенности (известности) момента времени, с которым соотносится начало состояния, поскольку в этом случае сообщение о таком моменте всегда образует пресуппозицию (тему), и в рему неизбежно попадает сам компонент "начало (состояния)". В предложениях же с глаголом НВ в общефактическом значении ситуация противоположная: момент всегда остается неопределенным, т.е. он сам занимает позицию ремы, выводя другие компоненты за пределы ассертивной части.

Обратимся теперь ко второму типу высказываний, в котором рема представлена не самим сказуемым, а другими членами предложения (в том числе, и вместе со сказуемым). Таковы предложения, отвечающие на вопросы *Кто? Что? Где?* Сюда же относятся и предложения, отвечающие на вопрос *Какое событие имело место?*, в которых рема охватывает либо все предложение целиком (например: *Что случилось? – Петр разбил чашку*), либо сказуемое вместе с каким-то другим членом предложения: ср. *Что было потом? – Потом пришел Петр* (рема выделена жирным шрифтом).

Предложения этого типа содержат пресуппозицию "известно, что некоторое событие имело место", так что вопрос (отрицание или утверждение) касается лишь обстоятельств осуществления этого (несомненно происшедшего) события. В этом случае уже нередко становится возможной взаимозамена видовых форм. Действительно, высказывания (25) *Кто построил этот мост?* и (26) *Кто строил этот мост?* оказываются весьма близкими по смыслу, поскольку они отражают (хотя и с определенными видовыми отличиями) одну и ту же ситуацию: "Мост построен".

Следует впрочем подчеркнуть, что в предложении (25) возникновение результата ("мост построен") непосредственно выражено формой совершенного вида, тогда как в (26) эта информация находится за пределами высказывания: она может быть известна из ситуации, но никак не выражена в самом предложении. Поэтому вопрос типа (26) *Кто строил этот мост?* в принципе допустим как в ситуации "Мост построен", так и в ситуации "Мост строили, но не закончили" (в последнем случае замена на СВ, естественно, становится невозможной).

Видовой замене в предложениях второго типа актуального членения способствует не только общность пресуппозиции "событие имело место", но и тот факт, что сказуемое в них не является ремой, а потому при употреблении глагола СВ здесь не возникает добавочной пресуппозиции "ожидаемости события", которая препятствует взаимозамене видов в предложениях первого типа. Однако значение видовых форм полностью сохраняется, поэтому там, где предельный компонент достаточно ясно актуализируется с помощью контекстных средств, замена СВ на НВ становится недопустимой: ср. *Сколько мостов ты уже построил?* (= сколько уже существует?); *Зачем ты построил такой маленький дом?* (= дом получился маленьким); *Где ты купил розы в такое время?* (= сумел добиться результата). Замена становится возможной лишь в достаточно "нейтральных" контекстах, т.е. там, где нет явного акцентирования предельного или каузативного компонента: *Кто перевел / переводил сонеты Шекспира?*; *Где ты купил / покупал свою машину?*

Нередко одна из видовых форм оказывается предпочтительней благодаря тому, что акцентирование одного из компонентов глагольного значения скрыто выражено в более широком контексте. Ср. *Откуда у тебя эта книга?* – *Мне ее брат купил* (= "она у меня появилась благодаря брату"); *Сколько стоит эта книга?* – *Не знаю, ее брат покупал, спроси его* (= "брат занимался процессом покупки"); *Покажи, как ты перевел этот текст* (= "что получилось в результате"); *У тебя нет даже словаря! Как же ты переводил текст?* (= "как ты занимался переводом, если нет словаря?").

Возвращаясь снова к эффекту "ожидаемости события", отметим, что эта пресуппозиция возникает в предложениях любого типа актуального членения, если глагол СВ употреблен с отрицанием. Отрицание всегда рематизирует компонент "начала" в значении формы СВ и тем самым выводит остальные компоненты – включая и сообщение о моменте времени – в пресуппозитивную часть, что, в свою очередь, как уже говорилось, создает пресуппозицию ожидаемости. Так, предложение *Я поскользнулся, но не упал* означает: "(в следующий момент, в который ожидалось падение, оно) не наступило"; *Не бойся, я не упаду* опять-таки подразумевает "ты думаешь, что в какой-то момент я упаду"; *Смотри, не выброси эти бумаги* означает "(может случиться, что выбросишь); я этого не хочу" (в отличие от *Не выбрасывай эти бумаги*, где нет опасения относительно случайной возможности события); *Я пересяду от окна: не хочу простудиться* означает "(может случиться, что простужусь); я этого не хочу"; *Неужели я не имею права сказать то, что думаю?* подразумевает "хочу / должен сказать" (в отличие от *не имею права говорить*); *Очень интересный случай. Надо не забыть расказать это коллегам* означает "(могу забыть); надо, чтобы этого не произошло".

Скрытая ожидаемость явно ощутима и в ряде случаев использования формы СВ без отрицания – в частности, там, где наиболее обычным (без добавочных пресуппозиций) является употребление глагола НВ. Так, многократные действия, как правило, обозначаются глаголом НВ: *Он любит шутить / читать / гулять по городу*. Однако в предложении с глаголом СВ *Он любит пошутить / почитать перед сном / погулять вечером по городу* присутствует уже дополнительный смысл "при случае", т.е. "когда (если) есть возможность (желание) пошутить"; последнее выражение содержит скрытую пресуппозицию "иногда бывает такой момент, когда можно (нужно)...". Таким же образом, предложение с СВ *Он странный человек – никогда не улыбнется, не поздоровается* подразумевает "когда (т.е. в тот момент, когда) это можно или нужно сделать" и т.д.

Итак, глагольный вид представляет собой особый способ указания актуального членения внутри значения глагола, которое осуществляется с помощью грамматической формы глагола. Различные семантические эффекты, возникающие при употреблении видов в предложениях того или иного типа актуального членения, обусловлены именно тем, что вид есть как бы лишь разновидность одного общего явления – членения на ремю и тему. Обратим также внимание на то, что рематизация предельного компонента в значении глагола может осуществляться и без использования формы СВ, а с помощью чисто контекстуальных средств. Это имеет место в условиях "нейтрализации" видового противопоставления, в частности, при обозначении многократности действия ([Маслов 1948]: в зависимости от контекстных уточнителей глагол НВ может обозначать здесь как незавершенный процесс (*Он всегда подолгу решает такие задачи*), так и достижение результата (*Он всегда правильно решает такие задачи*). Предельный компонент актуализуется в форме НВ также и при употреблении глагола в настоящем историческом (*Ученик подходит к доске, быстро решает задачу и садится на место*), поскольку в этом случае контекст указывает на последовательную смену моментов, в каждый из которых возникает некоторое новое состояние.

Естественно, что для одновидовых глаголов НВ (*спать, ждать, любить* и т.п.) подобное употребление для обозначения завершенного действия оказывается невозможным, поскольку их лексическое значение не содержит предельного компонента, который мог бы быть акцентирован какими-либо контекстными (или иными) средствами.

6. Актуализация и лексическая сочетаемость

Особенности акцентировки компонентов лексического значения влияют на сочетаемость слова: компонент, не входящий в рему, как правило, утрачивает возможность реализовать свои сочетаемостные свойства (перестает взаимодействовать с окружающим контекстом). Несомненно различается, например, сочетаемость видовых форм глагола, хотя состав компонентов в значении слова остается неизменным: ср. *строить долго (два года) – постройте быстро (за два года)*.

Сочетания *вежливо просить, радостно приветствовать, бурно протестовать* становятся недопустимыми при перформативном употреблении данных глаголов (*Я прошу вас...*), поскольку в этом случае компонент "говорения", с которым только и может взаимодействовать наречие, стоит вне модальной рамки высказывания (образует пресуппозицию). Сочетание *сообщить вовремя* не может быть использовано при переносном употреблении формы времени (*Сегодняшние газеты сообщают, что ожидаются заморозки*), поскольку акцентируемый компонент ("иметь содержание") такой сочетаемостью не обладает, компонент же, связанный с прошедшим временем ("опубликовали сообщение"), не входит в рематическую часть значения глагола.

Сочетание слова *стакан* с определениями *граненый, треснутый, грязный* становится недопустимым, когда в значении существительного акцентируется "количественный" компонент (*выпить стакан воды*). Разумеется, здесь мы имеем дело с двумя разными значениями слова, однако напомним, что данное различие значений создается лишь за счет изменения ремо-тематического статуса компонентов, без какого-либо изменения их состава. Точно так же глагол *писать* в значении "письменно сообщать" несомненно включает семантический компонент "изображать знаками на бумаге", однако из-за пресуппозитивного статуса этого компонента в предложении *Брат написал (пишет) мне, что скоро придет* вряд ли будут естественны уточнения типа *карандашом, с ошибками, корявым почерком* и т.п.

7. Тема и рема в плане семантической производности

Для противопоставленных семантем "тема – рема" понятие семантической производности оказывается неприменимым, поскольку установить направление производности оказывается здесь невозможным. Действительно, с одной стороны, тема высказывания образуется при повторении в предложении ремы предшествующего высказывания, и в этом плане, следовательно, тема "вторична", производна от ремы. Однако, как уже говорилось, всякое высказывание обязательно содержит как рему, так и тему, и, таким образом, нет какого-либо исходного чисто рематического типа предложения, с которого могла бы начаться цепочка производности "от ремы к теме". В этом плане, таким образом, тема оказывается столь же "первичной", что и рема.

Тот же парадокс "курицы и яйца" обнаруживается и в сфере семантического противопоставления понятий "предмет – признак" или "субъект – предикат". Как было показано выше, и в "предметном" значении существительного, и в предикатном значении глагола на достаточно глубоком уровне анализа обнаруживается двойственная, предметно-признаковая (субъектно-предикатная) семантическая основа. Каждое из этих понятий по отдельности представляет собой лишь результат разных логических "акцентировок" (актуального членения) одной общей семантической структуры предложенческого типа, заведомо содержащей как предметную, так и предикатную части.

В каком-то смысле некоторую аналогию с данным соотношением можно видеть в конверсивах типа *купить-продать*, где также нельзя говорить об "первичности" и "вторичности" (производности) одного из значений: обе семантемы описывают одну ситуацию в разных ракурсах (акцентировках). Подобным же образом нет отношений производности и между значениями местоимений *я – ты – здесь – сейчас*, которые также представляют лишь разные ракурсы одного общего (включенного в них в виде пресуппозиции) высказывания "Некто производит в некоторый момент речевое дей-

ствие, передавая кому-то информацию". Действительно, все актанты события – говорящий, слушающий, момент речи, место нахождения говорящего – уже присутствуют в этом исходном высказывании и все они одинаково обязательны для него (т е одинаково первичны")

Можно также сравнить эту ситуацию с соотношением значений "звук" и "слышать" которые в равной степени элементарны [Апресян 1995 75], поскольку они отражают одну общую ситуацию. Нечто воздействует на некоторую часть тела, вызывая определенное ощущение : то, что воздействует, мы называем звуком, вызванное этим ощущение – *слышанием*, воспринимающий орган – *ухом* и т д. Здесь опять таки каждый из элементов этой общей ситуации, становясь центральным в значении одного из названных слов как бы обязательно "тянет" за собой все остальные элементы, так что в любом из слов – *звук*, *слышать*, *ухо* – обозначена вся ситуация целиком, хотя и в разных ракурсах.

Сознавая, что это лишь аналогия, можно все же предположить, что понятия "тема (старое) – рема (новое)", предмет (субъект) – признак (предикат)" не описываются через отношения "первичности – вторичности" именно потому, что они представляют собой лишь разные варианты акцентировки частей одной общей для них семантемы, всегда как бы уже содержащей оба противопоставленных значения. Несмотря на то, что "старая информация" есть то что сообщалось до момента речи, а "новая" – то, что сообщается в сам момент речи, оба типа информации как бы неразрывны: нельзя сообщить новое, не повторив при этом в высказывании старого, как невозможно и сообщение содержащее лишь старую" информацию, без новой.

Точно так же неразрывны и одинаково "первичны" входящие в понятия "тема" и "рема" семантемы: предшествование моменту речи" и "одновременность моменту речи" как впрочем, и более широкие понятия "предшествование / следование" (т е несовпадение с чем-то по времени) и "одновременность" (совпадение по времени), и еще шире – понятия "тождество" и "различие (нетождественность)", всегда взаимно предполагающие друг друга ("диалектические", в гегельянской терминологии).

С одной стороны исходным в нашем осмыслении мира как будто бы является представление о некотором целостном событии, которое мы далее расчленяем на составные части – субъект и производимое им действие, или субстанцию и ее атрибуты. Являясь с логической точки зрения более простыми сущностями – составляющими частями сложного целого, – эти элементы, однако, в свою очередь, всегда включают в свое содержание обозначение целой ситуации (события), и в этом плане не представляются чем-то более простым по отношению к этому целому, как и одно по отношению к другому (субъект по отношению к предикату). Это, по-видимому, связано с более широким логическим явлением – определенной парадоксальностью соотношения понятий "целое" и "часть", толкование которых неизбежно содержит порочный круг: "целое" есть то, что состоит из частей, а "часть", в свою очередь, это то, что составляет некоторое целое. В отношении таких "взаимопроникающих" понятий вопрос о первичности и вторичности оказывается, как можно видеть, некорректным.

Все это однако, не отменяет того бесспорного факта, что тема (пресуппозиция) об разуеться на базе ремы предшествующего высказывания (как повторение такого высказывания) тем самым тема – в этом плане – все же вторична, производна от ремы. По-видимому, такого рода соотношения еще нуждаются в более ясном теоретическом осмыслении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю Д. *Апресян*. Значение и оттенок значения // ИАН СЛЯ 1974 № 4
Апресян 1995 – Ю Д. *Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд. М. 1995
Арутюнова 1973 – Н Д. *Арутюнова*. Понятие пресуппозиции в лингвистике // ИАН СЛЯ 1973 № 1

- Арутюнова Ширяев 1983 – *Н Д Арутюнова Е Н Ширяев* Русское предложение Бытийный тип (структура и значение) М , 1983
- Балли 1955 – *Ш Балли* Общая лингвистика и вопросы французского языка М 1955
- Бенвенист 1974 – *Э Бенвенист* Общая лингвистика М 1974
- Виноградов 1947 – *В В Виноградов* Русский язык Грамматическое учение о слове М , 1947
- Гулыга 1971 – *Е В Гулыга* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке М 1971
- ГСРЯ 1980 – Грамматика современного русского языка Ч 2 М , 1980
- Гуревич 1988 – *В В Гуревич* Семантическая производность в грамматике М , 1988 (2-е изд М 1998)
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь М , 1990
- Маслов 1948 – *Ю С Маслов* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН ОЛЯ 1948 №4
- Смирницкий 1959 – *А И Смирницкий* Морфология английского языка М , 1959
- Распопов 1970 – *И П Распопов* Строение простого предложения в современном русском языке М , 1970
- Рассудова 1968 – *О П Рассудова* Употребление вида глагола в русском языке М , 1968
- Шмелев 1973 – *Д Н Шмелев* Проблемы семантического анализа лексики М , 1973
- Austin 1962 – *J L Austin* How to do things with words Oxford, 1962
- Bellert 1970 – *I Bellert* The semantic interpretation of subject-predicate relations // Progress in linguistics The Hague, Paris 1970
- Fillmore 1969 – *Ch Fillmore* Types of lexical information // Studies in syntax and semantics V 10 Dordrecht 1969
- Russel 1920 – *B Russel* Introduction to mathematical philosophy London, 1920
- Wierzbicka 1968 – *A Wierzbicka* On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honor R. Jacobson The Hague, 1968